

Ступина Екатерина Сергеевна

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

stupina.ek@mail.ru

Культурные коды сленгизмов

Аннотация

В последние десятилетия в качестве предмета пристального изучения в лингвистике зачастую выступает некодифицированный язык, в частности сленг, который становится частью культурного кода целой нации. Целью настоящей статьи является анализ лингвокультурологической роли сленгового слова, реализуемой в речи. Материалом для исследования послужили 100 сленгизмов, которые случайно были выбраны из словарей по социальным диалектам. Лексемы были проверены на предмет речевой реализации в Национальном корпусе русского языка. В результате для 56 сленгизмов найдены соответствующие контексты, отражающие функциональную нагрузку данных лексем. В работе описаны наиболее показательные с точки зрения представления культурных кодов у сленговых слов примеры из художественных произведений, а также иллюстрации из публицистических текстов. Контекстный анализ обнаружил, что сленгизмы, обусловленные субкультурной средой, выступают маркерами интересов, интеллектуальных возможностей, показателями социального уровня говорящего. Примеры показывают, что агрессивность и повышенная экспрессивность сленгового слова позволяют продуценту речи репрезентовать себя, соотнести себя с той системой жизненных ценностей, теми культурными универсалиями, которые определяют общество. Следовательно, основными культурными кодами сленгизмов являются именно код самовыражения и код социальной адаптации.

Ключевые слова: сленг, культурный код, культура, экспрессия, речь

© Ступина Е. С. 2023

Для цитирования: Ступина Е. С. Культурные коды сленгизмов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 99–107. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_99

Ekaterina S. Stupina

Nizhny Novgorod Linguistics University
Nizhny Novgorod, Russian Federation

stupina.ek@mail.ru

Cultural codes of slang

Abstract

In recent decades, non-codified language, particularly slang, has been an attractive subject of linguistic research as far as at present, it is becoming a part of the cultural code of an entire nation. This article aims to examine the linguocultural role of slang units manifested in speech. The total of 100 slang tokens were chosen as the material for the study, they were randomly selected from dictionaries of social dialects. The National Corpus of the Russian Language was taken as the source of contexts for the tokens. As a result, for 56 slangisms out of 100, the contexts were found reflecting the functional load of the tokens. The paper describes the most significant examples from fiction and journalistic texts in terms of representing cultural codes. Contextual analysis has shown that slangisms conditioned by the subcultural environment act as markers of interests, intellectual abilities and indicators of the social level of the Speaker. The examples also indicate that aggressiveness and increased expressiveness of the slang units enable the speakers to represent themselves, to affiliate themselves with the

system of life values and those cultural universals that define society. Consequently, the main cultural codes of slangisms are precisely the code of self-expression and the code of social adaptation.

Keywords: slang, cultural code, culture, expression, speech

© Stupina E. S. 2023

For citation: Stupina, E. S. (2023). Kul'turnye kody slengizmov [Cultural codes of slang]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 99–107. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_99

1. Введение [Introduction]

Система языка – это активно развивающаяся и обновляющаяся система. Речь, являющаяся материальным воплощением языка, заметно меняется. Особенно подвержена изменениям живая разговорная речь, включающая некодифицированные элементы национального языка, в том числе просторечизмы, арготизмы, диалектизмы, сленгизмы. Большинство современных носителей языка спокойно относятся к фактам несоблюдения норм словоупотребления. Сегодня важным аспектом бытия человека является быстрый темп жизни и умение личности ассимилироваться в меняющейся обстановке, с одной стороны, примкнуть к группировке, которая стремится выделиться из общего потока движения, – с другой.

Многие считают, что неправильная постановка ударения, неверное склонение числительных совершенно не мешают общему пониманию смысла высказывания. Когда нужно срочно передать нужную информацию, нормы грамматики и орфоэпии отходят на второй план. Употребление нелитературных слов, например сленгизмов, наоборот, помогает стать «своим» в компании. Эти актуализированные носителями языка слова, выполняя функцию «маячков», становятся частью культурного кода целой нации, ибо очевидно, что наша речь отражает то, что волнует человека прежде всего.

Расширение возможностей информационно-коммуникационных технологий в XXI веке привело к тому, что образовались социальные группы – несколько человек объединились в сообщества по интересам. В этих сообществах люди используют такие языковые элементы, которые обособляли представителей этих сообществ от других групп. Данные маркированные элементы в языкознании называют сленгизмами. Е. А. Матюшенко полагает, что «сленг – это особая исторически сложившаяся нестандартная (вторичная) подсистема русского языка, реализующаяся главным образом на лексическом уровне, бытующая в основном в сфере устной речи городского населения и генетически и функционально отличная от жаргонных и профессиональных элементов языка» [Матюшенко, 2007, с. 31]. Мы подчеркнём, что сленг образуют слова, не входящие в состав литературного языка, получившие широкое распространение среди большинства носителей языка и имеющие высокий эмоционально-экспрессивный потенциал. Многочисленные исследования в области функционирования сленга показали, что масштабы его распространения достигли того уровня, при котором в сознании людей стираются границы между разговорным и литературным языком, лексикой ограниченного употребления и общеупотребительной.

В работе сленг рассматривается как одна из составляющих частей национальной системы языка, исследуется понятие культурного кода, анализируется современный сленг как составляющая культурного кода на примерах, которые предоставляются словарями сленга, а также Национальным корпусом русского языка.

Культура в широком понимании имеет в арсенале знания всех областей жизни человека. С этой точки зрения культурный код представляет собой таксономию «эле-

ментов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты» [Маслова, Пименова, 2016, с. 16]. Культурный код организует всю информацию, которую вбирает человеческая культура, в систему морально-нравственных, этических, поведенческих и других компонентов – знаков. Эти знаки выражены в слове, изображении, звуке. Код включает в себя знания о традициях, обычаях, истории, повседневном поведении, бытовой культуре, художественной культуре и др. Кроме того, в этих кодах отражается специфика восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителя той ли иной культуры.

Безусловно, существенное влияние на формирование культуры национального языка оказывает исторический фон, та политическая, экономическая, социальная обстановка, которая окружает человека. Конец XX века связан с периодом исторической нестабильности, становлением нового государства, что определило изменения в речи, прежде всего изменения в сфере разговорной речи. Сегодня сленг является существенной частью повседневного языкового общения, используется как эквивалент нормированной речи, становится средством создания экспрессии в литературе, в кино, в средствах массовой информации.

Ц е л ь данного исследования – проанализировать то, как с помощью сленгового слова вербализуются культурные приоритеты и установки говорящего, как сленговое слово становится маркером общей культуры социума.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили 100 сленгизмов, которые были отобраны из словарей молодёжного сленга методом произвольной выборки. Подобный подход к изучению материала позволяет распространить результаты исследования на совокупность подобных языковых единиц. Для представления культурно-функционального аспекта, которые реализуют сленгизмы в речи, требуется контекст. Контекстная реализация обеспечивалась ресурсами Национального корпуса русского языка. Поиск осуществлялся в основном, газетном и региональном корпусах. М е т о д о м последовательной проверки каждого выбранного сленгизма определены 56 единиц, для которых были выбраны контексты, иллюстрирующие их употребление в текстах художественной и публицистической литературы. Известно, что данные функциональные стили речи предполагают включение элементов не только нормированной части национального языка, поэтому обнаружение сленгизмов было наиболее вероятным в указанных корпусах. Далее контекстный анализ, методика наблюдения, интерпретации и обобщения позволили выявить, что использование сленгового слова помогает продуценту речи, с одной стороны, соотносить себя с той или иной социальной группой, с другой – репрезентовать свои мысли и чувства в зависимости от коммуникативной ситуации.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

На первом этапе исследования было выявлено, что сленгизмы, выражая яркую эмоциональность, реализуют в речи определённые социальные и интеллектуальные возможности говорящего. На последующих этапах работы текстовый анализ примеров показал, что сленговое слово, обладающее высокой экспрессией и оценочностью, не всегда используется релевантно коммуникативной ситуации. Действительно, с одной стороны, немотивированное использование сленгового слова может привести к коммуникативной неудаче, обидеть собеседника, вызвать непонимание, но, с другой стороны, яркое, запоминающееся, необычное слово помогает определить модальную нагрузку высказывания, заинтересовать адресата речи, стать элементом эстетической функции в

художественном произведении. Например, немотивированное употребление сленгизмов **продвинутый**, **оторваться** вызывает негативные эмоции в следующем примере: *Для музыкантов, артистов и литераторов здесь было предусмотрено всё, чтобы эта продвинутая публика могла оторваться по полной программе* (МК 2016). Адресант неосознанно принижает статус творческой интеллигенции, о которой идёт речь в данном контексте. При этом распространённость сленгизмов в публицистических текстах отражает общую тенденцию в СМИ к толерантности языковых норм. У журналиста возникает субъективная установка обеспечить определённый эмоциональный контакт с потенциальным читателем, то есть «сленгизмы выступают в качестве так называемых бликфангов, т. е. единиц, на которых останавливается взгляд читателя при просмотре журнальных и газетных страниц, сайтов, форумов и т. д.» [Редкозубова, 2019 с. 185]. Однако подобная коммуникативная задача не всегда успешно реализуется, если не соблюдено «чувство соразмерности и сообразности».

В следующем отрывке из художественного текста сленгизмы *админка*, *банить* представляются вполне уместными: *И во-вторых, Геннадий играл давно, играл хорошо, многократно участвовал в соревнованиях, где его могли видеть в реале, имел блестящую репутацию и пользовался среди игроков большим уважением, за что ему и предоставлена была «админка» – специальная компьютерная программа, позволяющая регулировать ход игры, объявлять голосование при решении спорных вопросов и, что самое главное, «банить» недобросовестных игроков, тем или иным способом нарушающих установленные на игровом сайте правила* (Александра Маринина. «Последний рассвет» (2013))¹. Сленгизмы графически выделены кавычками, что подчёркивает идею автора обозначить языковой фон, в рамках которого существуют герои. Данные единицы языка призваны продемонстрировать, что произошла культурная адаптация персонажа. Таким образом реализуется эстетическая функция сленгизмов.

На следующем этапе исследования культурных кодов сленгизмов предполагалось осмыслить, что человек, оценивая впечатление, которое он получает, когда слышит сленговое слово, встраивает это знание в систему усвоенных с детства культурных кодов для дальнейшего воспроизведения этого ресурса в жизни. Р. Барт считает, что следует обозначить «культурный» код, который воплощает собой «код человеческого знания» и апеллирует к пониманию сложившихся в социуме правил, осознаваемых в цивилизационном мире как природная данность [Барт, 1989, с. 47]. Например, знание об эстетически приятном воздействии соловьиных трелей будет в равной степени восприниматься как часть культурного кода и как потребность ложиться спать ночью. Использование сленгизма (напр., *банить*, *админка*, *агриться*) будет включать в себя информацию, связанную с некой субкультурной средой, а также с особой экспрессией, эмоциональностью, возможно, агрессией. Например, *Что за зверь такой – буллинг? В самом деле кажется, как будто нам нужно уничтожить какую-то другую вещь или человека для того, чтобы не уничтожить самих себя...* (Софья Тарасова. *Что за зверь такой – буллинг?* // «Знание-сила», 2013). В данном случае существительное *буллинг* отражает актуальные вопросы, связанные с формированием больших коллективов и подавлением отдельной личности в подобных объединениях, агрессивно настроенных в отношении слабых представителей или в отношении тех, кто в одиночку собирается сопротивляться сложившимся правилам. В рамках представленного контекста становится очевидно, что сторонний человек пытается определить смысл незнакомого понятия и применить это понятие к той системе ценностей, на которую изначально ориентирован. Культурный код данного слова соотносится с образами унижения и давления в обществе. Соответственно, база культурных кодов, обогащённая знаниями о новом явлении,

¹ Этот и другие примеры взяты из Национального корпуса русского языка

позволит соотнести слово *буллинг* с реальными процессами социальной среды. Употребление слова в речи включает говорящего в круг «посвящённых».

Один из самых известных исследователей сленга, Эрик Партридж, описывая разновидности сленга, пришел к выводу, что сленг состоит из слов, которые воспроизводят общественное сознание той или иной социальной среды [Partridge, 1933, p. 148–272] и, следовательно, составляет часть культурных кодов той или иной части населения.

Р. Барт подчёркивает, что культурный «код» – «это перспектива цитации, мираж, сотканный из структур...; порождаемые им единицы... это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито: код и есть след этого уже» [Барт, 1989, с. 45]. Но не каждый адресат способен истолковать все «осколки», как любой интернет-пользователь не будет бессистемно загружать информационные страницы. Например, если в качестве кодовых элементов речи считать используемые реминисценции из произведений русских писателей-классиков, то обнаружить скрытую цитацию сможет лишь такой адресат, который хорошо знает не только содержание цитируемых произведений, но и сам может частично воспроизвести тексты. В ином случае первичный поиск нужного информационного блока будет безуспешен. При повторном обращении к уже известным цитатам возможна положительная динамика.

Следовательно, релевантно было бы говорить о том, что культурный код сленгизмов не имеет универсальных дешифраторов, однако постижение кода возможно при периодическом воспроизведении запроса в поисковую систему сленгового употребления. Каждый из кодов ориентирован на определённую группу посвящённых. При этом есть коды, имеющие широкий круг адресатов (напр., культурные коды нации, язык как код), а есть коды для узкого круга (напр., коды сленга программистов). Заданная когнитивная информация закладывается в основание кода как отдельной личности, небольшой группы людей, так и нации в целом. «В языке культура «заимствует» оболочки (тела) знаков, которые впоследствии становятся репрезентантами смыслов культуры» [Симбирцева, 2016, с. 158]. Следовательно, определяется культурный текст, создаваемый пользователями сленгизмов.

Для описания культурных кодов сленгового слова следует обратиться к пониманию культурных кодов. Сущность кода заключается в концентрации смыслов и ценностей культуры. Понимание культурного кода рассматривается учёными также сквозь призму временного развития цивилизации. Так, И. В. Дукальская пишет о том, что «когнитивной основой для создания культурного кода может послужить фактически любая область внешней действительности, которая обладает конкретно-чувственной наглядностью. Необходимым условием для этого, является лишь знакомство носителей языка и культуры, с этой областью» [Дукальская, 2011, с. 128]. То есть, рассматривая код с точки зрения восприятия настоящего времени, мы подчеркнём, что человек, независимо от эпохи, живёт в потоке культурных кодов. Сознание ориентировано на постижение кодов. Открытым остаётся вопрос о том, принимает личность общественные коды или отвергает. При этом отрицание правила (кода) может впоследствии привести к изменению традиции и, следовательно, кода. Происходит смена культурных кодов в сленге, ибо происходит регулярное обновление системы языковых элементов. Пример – постепенный переход от устойчивого в дореволюционной России патриархального уклада жизни к равноправно-демократическому стилю ведения хозяйства. Н. А. Симбирцева считает, что код самодостаточен и универсален, но «каждая эпоха предлагает свой набор культурных кодов, открытых к изменениям и порождению новых смыслов и кодов» [Симбирцева, 2016, с. 163]. Действительно, личности потребуется приложить усилия для построения логических связей между кодами разных временных и культурных пластов. Связь между кодами разных поколений людей, которые являются носителями культуры, определяется совокупностью индивидуальных трактовок кода. Например,

сегодня с малой долей вероятности можно услышать в речи современников сленгизмы *хилить, стилиять, шузы, трузера*. Эти слова были распространены в речи стилияг и отражали культурные коды молодёжи, увлечённой новой идеологией. Им важно было выделиться из толпы, воплотить новый образ жизни, продемонстрировать свои взгляды на одежду, музыку, литературу и многое другое. Э. М. Береговская пишет, что «в сленге отражается образ жизни речевого коллектива, который его породил» [Береговская, 1996, с. 36]. Современные культурные коды сосредоточены на жизни в интернет-пространстве, на культе молодости, самореализации: *Качками считаются те, кто употребляет слова «бищуха», «присед в Смите» и «закинуться аминками и бэцэашками»*. (Наталья Радулова. Красавчик в доме // «Огонек», 2015). Эти слова – речевые маячки, определяющие не только сферу интересов, но и демонстрирующие мировоззренческие основы личности.

Сленгизмы помогают носителям языка относиться философски ко многим вещам, воспринимать их с юмором. Таким образом, человек обретает эмоциональное раскрепощение. Например: *Да это просто отмазка, чтобы больше с вами не общаться...* (Женщина + мужчина: Психология любви (форум)). С помощью сленгового слова человек репрезентует себя как свободную личность. Стиль общения, включающий сленгизмы, «позволяет говорящему выражать свои мысли быстро и одновременно оригинально» [Гареева, 2021, с. 130].

Нельзя не отметить и тот факт, что сленг содержит в себе эстетический компонент, ведь язык, несомненно, является способом воплощения творческой мысли. Я. С. Косякова, А. А. Мазовка полагают, что «сленгу присуща некоторая художественность, красота, изысканность. Человек, употребляющий сленгизмы, поступает нестандартно, неординарно, когда он изобретает и использует новую, яркую и остроумную лексику» [Косякова, Мазовка, 2017, с. 16]. Сленгизмы способны выступать в качестве экспрессивных средств, средств выразительности, средств, выражающих речевую специфику героя в художественном произведении. Например *Слу-ушай, – «у» растягивается, – у меня тут такое дело – я купил комп, ну беушный, конечно, так вот, я его включаю, а он чего-то не включается, ну то есть гудит, вроде у него там что-то шумит, а экран тёмный и ничего не видно* (Константин Крылов. В простоте // «Русская жизнь», 2012). В данном примере сленговые слова *комп* и *беушный* выступают маркерами интересов, интеллектуальных возможностей, показателями социального уровня говорящего. Сленгизмы, являясь эмоционально окрашенными словами, суггестивно выражают отношение к предмету речи, позволяя мимикрировать под определённую коммуникативную ситуацию. Н. И. Коробкина полагает, что «благодаря знанию и использованию таких социально дифференцированных номинаций пользователи языка чувствуют себя членами некой замкнутой общности, это их раскрепощает, делает общение более простым, доступным и быстрым» [Коробкина, 2021, с. 108].

Сленгизмы имеют кодифицированный литературный эквивалент (*комп* – компьютер), однако эмоционально-экспрессивная функция сленгового слова обладает акцентно-актуализированной задачей, в отличие от функции номинативной. Таким образом, сленгизм гармонично встраивается в кодовую систему коммуникации. Подобная система определяет говорящего по ключу кода «свой – чужой». Человек, получая своеобразный пропуск в общественную группу, самоутверждается, социализируется.

Описанная стратегия речевого поведения является принципиально важной для подростковой среды. Включение в привилегированную группу происходит благодаря кодовым словам – сленгизмам-маркерам, например *кринж, трэш, хайпануть, рофлить* и др. [СМС]. Для русского молодёжного сленга характерна особая метафоричность и образность. Так, нестандартное, «свежее» видение окружающего мира выражается в языковом коллективном творчестве. При этом отметим, что молодёжный сленг – не просто способ творческого самовыражения. С помощью сленгового слова молодой человек

репрезентует себя, представляет своё отношение к тому, о чем он говорит. Таким образом, изначально доминирующая коммуникативная функция отходит на второй план. Если студент сообщает, что *лаба была изи*, то это означает не просто констатацию факта: задания лабораторной работы были простыми. В этом микротексте заключено сообщение о каких-то личных переживаниях молодого человека. Также становится очевидным, что подобную фразу студент произносит среди сверстников, скорее всего, сокурсников. Объединяющий группу молодых людей культурный код, заложенный в этих трёх словах, дешифруется участниками беседы, позволяя воспринять прагматическую информацию об участниках предполагаемого диалога [Химик, 2003].

3. Заключение [Conclusion]

Итак, целью данной статьи было выявление лингвокультурологической роли русских сленгизмов, употреблённых в произведениях художественного и публицистического стилей. Анализ контекстных употреблений и словарных значений сленгизмов в 56 иллюстративных примерах позволил расширить представление о коммуникативных возможностях сленгового слова, его распространённости в современных произведениях, в ресурсах СМИ. При выявленной нерелевантности реализации сленгизмов в речи устойчивым остаётся повышенная экспрессия данных лексем.

Полученные результаты показывают, что культурные коды сленгизмов прямо пропорциональны социальным модуляциям. Многочисленные политические перипетии и нестабильность аксиологических ориентиров общества привели к смене культурных приоритетов и популярности тех элементов национального языка, которые характеризуются повышенной эмоциональностью. Примеры показали, что современный сленг, имея специфические функции, встраиваясь в систему культурных кодов, прежде всего отражает отношение общества к действительности. С помощью сленгизмов человек может показать, как он себя позиционирует в социальном пространстве, насколько он точно занял свою общественную нишу, что чувствует, о чём переживает. Представленные варианты кодов позволяют прогнозировать возможный тактико-стратегический ресурс сленгизмов, поскольку кодовая система предполагает формирование риторически воздействующей стратегии.

Библиографический список

- Барт, 1989 – Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
- Береговская, 1996 – Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32–41.
- Библиева, 2007 – Библиева О. В. Молодежный сленг как форма репрезентации молодежной культуры в средствах массовой информации // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 304. С. 62–65.
- Гареева, 2021 – Гареева Л. М. Современный молодежный сленг: его источники и разновидности // МНИЖ. 2021. № 9–3 (111). С. 129–131. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.9.111.095>
- Дукальская, 2011 – Дукальская И. В. Лингвокультурный код как средство формирования коммуникативной компетенции // Альманах современной науки и образования. 2011. № 4 (47). С. 128–129.
- Захарова, Шуваева, 2014 – Захарова Л. А., Шуваева А. В. Словарь молодёжного сленга (на материале лексики студентов Томского государственного университета) : учеб.-метод. пособие. Томск : Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2014. 126 с.
- Коробкина, 2021 – Коробкина Н. И. Оказиональные сленгизмы как социально дифференцированные номинации в коммуникативном пространстве современного русского языка // Известия ВГПУ. 2021. № 6 (159). С. 105–109.

- Косякова, Мазовка, 2017 – Косякова Я. С., Мазовка А. А. Особенности современного молодежного сленга // Молодой ученый. 2017. № 22.1. С. 14–16. URL : <https://moluch.ru/archive/156/44304/> (дата обращения : 02.05.2018).
- Маслова, Пименова, 2016 – Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М. : Флинта, 2016. 180 с.
- Матюшенко, 2007 – Матюшенко Е. А. Современный молодёжный сленг: формирование и функционирование : дисс. канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 188 с.
- Никитина, 2003 – Никитина Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга: слова, непонятные взрослым. М. : Астрель : АСТ, 2003. 736 с.
- Редкозубова, 2019 – Редкозубова Е. А. Функционирование сленгизмов в заголовках англоязычных газетных и журнальных статей // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 184–191. <https://doi.org/10.23683/2070-1403-2019-77-6-184-191>
- Симбирцева, 2016 – Симбирцева Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>
- СМС – Словарь современного молодёжного сленга. URL : <http://www.paco.net>
- Химик, 2003 – Химик В. В. Прагматика молодежного сленга и текст // Эстетическая природа художественного текста, типы его изучения и их методическая интерпретация. Международная конференция-семинар : тезисы докладов. СПб., 2003. С. 61–62.
- Partridge, 1933 – Partridge E. Slang: Today and Yesterday. London, 1933. 476 p.

References

- Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Translated from French. Ed. by G. K. Kosikova. Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Beregovskaya, E. M. (1996). Molodezhnyy sleng: formirovanie i funktsionirovanie [The youth slang: Formation and functioning]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 3, 32–41. (In Russ.).
- Biblieva, O. V. (2007). Molodezhnyy sleng kak forma reprezentatsii molodezhnoy kul'tury v sredstvakh massovoy informatsii [Youth slang as a form of representation of youth culture in the media]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal of Philology], 304, 62–65. (In Russ.).
- Dukalskaya, I. V. (2011). Lingvokul'turnyy kod kak sredstvo formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii [Linguistic and cultural code as a means of forming communicative competence]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 4 (47), 128–129. (In Russ.).
- Gareeva, L. M. (2021). Sovremennyy molodezhnyy sleng: ego istochniki i raznovidnosti [Modern youth slang: Its sources and varieties]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International scientific research journal]. 2021. №9–3 (111), 129–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.9.111.095>
- Zakharova, L. A., Shuvaeva, A. V. (2014). *Slovar' molodyozhnogo slenga (na materiale leksikona studentov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Dictionary of youth slang (Based on the vocabulary of students of Tomsk State University)] : A coursebook. Tomsk: Tomsk State University Press. (In Russ.).
- Korobkina, N. I. (2021). Okkazional'nye slengizmy kak sotsial'no differentsirovannyye nominatsii v kommunikativnom prostranstve sovremennogo russkogo yazyka [Occasional slangisms as socially differentiated nominations in the communicative environment of the modern Russian language]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University], 6 (159), 105–109. (In Russ.).
- Kosyakova, Ya. S., Mazovka, A. A. (2017). Osobennosti sovremennogo molodezhnogo slenga [Features of modern youth slang]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 22.1, 14–16. Retrieved May 2, 2018 from <<https://moluch.ru/archive/156/44304/>>. (In Russ.).
- Maslova, V. A., Pimenova, M. V. (2016). *Kody lingvokul'tury* [Linguistic culture codes]. Moscow : Flinta Press. (In Russ.).

- Matyushenko, E. A. (2007). *Sovremennyy molodyozhnyy sleng: formirovanie i funktsionirovanie* [Modern youth slang: Formation and functioning]: PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State Socio-Pedagogical University. (In Russ.).
- Nikitina, T. G. (2003). *Tolkovyy slovar' molodezhnogo slenga: Slova, neponyatnye vzroslym* [Explanatory dictionary of youth slang: Words incomprehensible to adults.]. Moscow : Astrel' Press : AST Press. (In Russ.).
- Redkozubova, E. A. (2019). Funktsionirovanie slengizmov v zagolovkakh angloyazychnykh gazetnykh i zhurnal'nykh statey [Slang functioning in English newspaper and magazine headlines]. *Gumanitarnye i social'nye nauki* [The Humanities and Social Sciences], 6, 184–191. (In Russ.). <https://doi.org/10.23683/2070-1403-2019-77-6-184-191>
- Simbirtseva, N. A. (2016). «Kod kul'tury» kak kul'turologicheskaya kategoriya [“Code of culture” as a category of culturology]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1. (In Russ.). <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>
- Slovar' sovremennogo molodyozhnogo slenga [Dictionary of modern youth slang] (SMS) (n. d.). Retrieved from <<http://www.paco.net>> (In Russ.).
- Khimik, V. V. (2003). Pragmatika molodezhnogo slenga i tekst [Pragmatics of youth slang and text]. *Esteticheskaya priroda khudozhestvennogo teksta, tipy ego izucheniya i ikh metodicheskaya interpretatsiya* [Aesthetic nature of a literary text, types of its study and their methodological interpretation] : Conf. Proc. (pp. 61–62). St Petersburg. (In Russ.).
- Partridge, E. (1961). *Slang: Today and Yesterday*. London.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 03.02.2023; принята к публикации 17.02.2023.
The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 03.02.2023; accepted for publication 17.02.2023